

ИЗ ЧЕРНОВЫХ АВТОГРАФОВ

«Не бросать», «Не топтать» —
Это можно понять!
Или, там, «Не сорить» —
Это что говорить!

«Без звонка не входить» —
Хорошо, так и быть, —
Я нормальные НЕ
Уважаю вполне.

Но когда это НЕ —
Приносить-распивать, —
Это НЕ не по мне —
Не могу принимать!

Вот мы делаем вид
За проклятым «козлом»:
Друг костяшкой стучит —
Мол, играем, — не пьем.

А красиво ль — втроем
Разливать под столом?
Или лучше — втроем
Лезть с бутылкою в дом?

Ну а дома жена —
Не стоит на ногах, —
И не знает она
О подкожных деньгах.

Если с ночи — молчи,
Не шуми, не греми,
Не кричи, не стучи,
Пригляди за детьми!..

Где уж тут пировать:
По стакану — и в путь, —
А начнешь шуровать —
Разобьешь что-нибудь.

И соседка опять —
«Алкоголик!» — орет, —
А начнешь возражать —
Участковый придет.

Он, пострел, все успел —
Вон составится акт:
Нецензурно, мол, пел,
Так и так, так и так;

Съел кастрюлю с гусем,
У соседки лег спать, —
И еще — то да се, —
Набежит суток пять.

Так и может все быть —
Если расшифровать
Это «Не приносить»,
Это «Не распивать».

Я встаю ровно в шесть —
Это надо учесть, —
До без четверти пять
У станка мне стоять.

Засосу я кваску
Иногда в перерыв —
И обратно к станку,
Даже не покурив.

И точу я в тоске
Шпинделя да фрезы, —
Ну а на языке —
Вкус соленой слезы.

Покурить, например...
Но нельзя прерывать, —
И мелькает в уме
Моя бедная «мать».

Дома я свежий лук
На закуску крошу,
Забываюсь — и вслух
Это произношу.

И глядит мне сосед —
И его ребята —
Укоризненно вслед,
Осуждая меня.

<Между 1970 и 1978>

Публикация А. КРЫЛОВА

Но... не правда ли,
зло называется злом
Даже там — в добром
будущем Вашем?

Высоцкому глубоко претил спекулятивный культ будущего, он постоянно спорил с идеей рая, — не в религиозном, конечно, а в социально-идеологическом смысле. Прочтите внимательно песню «Переворот в мозгах из края в край...» 1970 года — о том, как

● ОКОНЧАНИЕ НА 8-й СТР.

40 лет назад не стало Владимира Высоцкого. Мы публикуем стихотворный набросок поэта, который еще ни разу не видел печатного станка — ни отечественного, ни зарубежного, и отрывок из книги критика Вл. Новикова «В Союзе писателей не состоял... [Писатель Владимир Высоцкий]» — она готовится к выходу в СП «Интерпринт» и представляет собой, по сути, первую монографическую попытку исследования художественного мира поэта с литературоведческих позиций, в широком контексте советской поэзии 60—80-х годов.

НУЖНА ЛИ РЕВОЛЮЦИЯ В АДУ?

до эпохи запретов и закрытий. Высоцкий же, едва успев составить первую программу из своих ранних песен, уже не мог не понимать, что это «не пройдет», а очень скоро «непреходимость» стала постоянным фактором его творческой судьбы. Ну, и еще существенно то, что «классические» шестидесятники всегда чувствовали, как это называет Естуженко, «дыхание рядом» — Высоцкий же, ощущая это дыхание в театре, в отдельные моменты и в кино, — в литературной своей работе с самого начала был одиночкой. У шестидесятников были сложные — то более или менее сносные, то конфликтные — отношения с властью и с государством. То приливы, то отливы, то хвала, то опала, то уходы, то возвращения. Высоцкого правительственный официоз не принимал никогда — громко не бранил, но последовательно душил молчанием. Общественно-политическая судьба Высоцкого слишком скоро обернулась Роком, то есть не только драматическим конфликтом между личностью и обществом, но и трагическим конфликтом между личностью и миром.

Доминанта шестидесятничества — социальная. Это вера в общественный прогресс и борьба со всем, что этому прогрессу препятствует. Это энтузиазм демократической интеллигенции, готовой и служить народу, и духовно вести его за собой.

Доминанта мира Высоцкого — философская. Это глубокий и страстный интерес ко всему, что происходит вокруг, интерес, сочетающийся с «космической» иронией, анализом и оценкой жизни и человека «с точки зрения вечности». Это этический максимализм по отношению к себе и бесконечная терпимость к другим. Это вера в человеческое начало и диалектический скепсис в оценке социального опыта человечества.

Подчеркну: это все говорится не с целью принизить шестидесятников. Они

достойны всяческого уважения: и те, что ныне возаращаются к нам своими посмертными публикациями, и те, что продолжают работать сейчас. И те и другие оказались незаменимой силой в сегодняшней борьбе за демократизацию и гласность. Но Высоцкий сразу же, с шестидесятых еще годов, начал работать уже на ином уровне.

И еще: сказанное ни в малейшей мере не отрицает значимости социальной заостренности творчества Высоцкого. Тут ведь сложная взаимосвязь, а не альтернативное «или — или». Философский подход всегда включает в себя социальное сознание (а вот социальное мышление не всегда философично).

Шестидесятничество, немислимо без присущего ему социально-утопического начала, без преобладания тактики над стратегией. Какова была главная установка? Надо работать, приближать будущее, которого мы сами скорее всего не застанем, но которое безусловно будет «светлым» — не в официально-тоталитарном, а в гуманистически-демократическом смысле. В борьбе за правду были возможны тактические уступки: воспевание, скажем, Братской ГЭС (без особенной рефлексии о том, насколько эта ГЭС полезна), романтическая идеализация Кубы и Фиделя Кастро (без развешивающих душу раздумий о том, насколько свободна жизнь на Острове Свободы), беспощадная критика иноземных тиранов и супостатов (с очень умеренными аллюзиями на неблагополучие дома). Все же обойтись без «положительных примеров» шестидесятничество не могло. И если на одну чашу весов было положено искреннее и беспощадное осуждение Сталина, то на другую не могла не лечь житейная трактовка биографии Ленина (конкретные обстоятельства этой биографии тут были несущественны, достаточно было сравнения Ленина с поэтом — сравнения, считавшегося безусловно лестным и для автора, и для персонажа).
В чем коренное, принципиальное рас-

хождение Высоцкого с этим типом мышления? Прежде всего в том, что Высоцкий не утопист. Свою веру в человека и в жизнь он никогда не пытался подкрепить обещаниями. Он дает читателям-слушателям реальный заряд энергии (лирической, трагической, смеховой), энергии, помогающей выжить и выстоять, но не дает им никаких оптимистических авансов и идейных векселей. Нет, он не впадал в истерическое отчаяние, не терял надежды, но надежде эта всегда сочилась сквозь трагическую мысленную и чувственную тою.

Лит. газета. — 1980. — 25 июля (№30). — С. 6, 8

Владимир ВЫСОЦКИЙ в роли Гамлета

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

КОГДА Высоцкого чересчур любовно трактуют как «перестроечного» и «антизастойного» поэта, придавая этим категориям сугубо локальный смысл, невольно ощущаешь какую-то подмену. Внешне вроде бы все сходится, но — «не то это вовсе, не тот и не та». Не то смысловое наполнение, не тот тип личности, не та судьба.
В чем здесь корень противоречия? В том, что Высоцкого трактуют как шестидесятника. То, что Высоцкий причастен к этой духовной формации, что в его

творчестве отразился шестидесятнический этический кодекс и идейный комплекс, бесспорно. Но Высоцкий не только шестидесятник, и мы его лучше поймем, если не отождествим его с более характерными представителями этого идейного течения, а сравним его с ними. Действительно, шестидесятники смогли, что называется, воспользоваться преимуществом «первой перестройки» (хрущевской), им было предоставлено слово, и они успели это слово произнести до нагрянувшего похолодания,